

УДК 327.8

МРНТИ 11.25.91

<https://doi.org/10.48371/ISMO.2026.65.3.004>

ИМИДЖ КАЗАХСТАНА В КИТАЙСКИХ СМИ В КОНТЕКСТЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КНР В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

*Дин Циньпин¹, Мұқан С.М.², Абжапарова Л.Ж.³

*¹ Казахский национальный университет имени аль-Фараби
Алматы, Казахстан

² Международный университет информационных технологий
Алматы, Казахстан

³ Университет Нархоз, Алматы, Казахстан

Аннотация. Цель исследования состоит в выявлении взаимосвязи между эволюцией внешней политики Китая в Центральной Азии и трансформацией образа Казахстана в ведущих китайских СМИ. Эмпирическую основу составляют 653 публикации о Казахстане, размещённые в газетах «Жэньминьжибао» (включая зарубежную версию), «Синьхуамэйжидяньсюнь» и «Хуаньцюшибао» в 2013–2025 гг., а также политические документы Китая по Центральной Азии. Применяется сочетание качественного контент-анализа и критического дискурс-анализа. Результаты показывают выраженную сопряжённость политической и медийной повесток: тематическая структура публикаций соотносится с приоритетами внешней политики КНР, политические концепты используются как нарративные ресурсы, а изменения внешнеполитической повестки по времени совпадают с трансформацией репрезентации Казахстана. На этой основе предлагается интегративная аналитическая рамка «политической встроенности», описывающая последовательность «внешнеполитическая повестка → политический дискурс → медийная репрезентация → изменение образа страны». В отличие от ранее опубликованного исследования на том же корпусе, где анализировались характеристики образа Казахстана и его значение для двустороннего взаимодействия, настоящая статья рассматривает обратное аналитическое направление – способы, посредством которых внешнеполитическая рамка соотносится с тематикой, дискурсом и динамикой медийного образа. Полученные результаты свидетельствуют о вероятном механизме политико-медийной сопряжённости, не предполагая автоматического доказательства прямой причинности.

Ключевые слова: Казахстан; китайские СМИ, национальный образ, внешняя политика Китая в Центральной Азии, политический дискурс, механизм формирования образа

Введение

В исследованиях международных отношений всё большее внимание уделяется когнитивным и дискурсивным факторам. С позиций конструктивизма международный образ может рассматриваться как интересубъективная конструкция, связанная с формированием идентичностей, ожиданий и устойчивых представлений о других государствах [1]. Концепция «мягкой силы» дополняет эту перспективу, показывая, что привлекательность государства, его ценности и коммуникационные ресурсы способны становиться самостоятельными источниками внешнеполитического влияния [2]. Национальный образ, понимаемый как совокупность внешних представлений о государстве, связан не только с его символическим положением в международной системе, но и с публичной дипломатией, стратегической коммуникацией и интерпретацией внешнеполитических намерений. Средства массовой информации участвуют в этом процессе посредством отбора тем, фреймирования, цитирования политических акторов и воспроизводства стратегических нарративов [3–7]. Сравнительный подход к медиасистемам также указывает, что характер политической коммуникации зависит от институциональных связей между политической системой, государством и СМИ [8]. Поэтому анализ образа Казахстана в китайских СМИ представляет международно-политический интерес: он позволяет проследить коммуникационное измерение внешней политики КНР в Центральной Азии и соотнести изменения медийной репрезентации с трансформацией региональной дипломатической повестки.

С момента установления дипломатических отношений между Китаем и Казахстаном двусторонние отношения развиваются стабильно. В последние годы, благодаря инициативе «Один пояс, один путь» и механизмам многостороннего сотрудничества, освещение Казахстана в китайских СМИ не только отражает развитие двусторонних отношений, но и может участвовать в формировании представлений о Казахстане в китайском информационном пространстве.

В существующих исследованиях китайско-казахстанских отношений основное внимание уделяется геополитике, энергетическому сотрудничеству, региональной безопасности и экономическому взаимодействию, тогда как систематические исследования образа Казахстана в китайских СМИ остаются ограниченными. Сламгажи и соавторы, рассматривая обратное направление репрезентации – образ Китая в казахстанских СМИ, – установили, что в 2008–2018 гг. около 51% материалов имели преимущественно позитивную тональность, около 38% – нейтральную и около 11% – негативную; после выдвижения инициативы «Один пояс, один путь» число соответствующих публикаций заметно увеличилось [9]. Ланд и соавторы на основе репрезентативного опроса 965 граждан Казахстана показали, что воздействие геополитических

нарративов на восприятие Китая связано с актуализацией локальной идентичности посредством исторических сюжетов [10]. В более широком центральноазиатском контексте С. Пейруз показывает, что отношение к усиливающемуся присутствию Китая сочетает позитивные и настороженные оценки и формируется под воздействием политических, экономических и социокультурных факторов [11]. Эти работы важны для понимания связи между медиа, стратегическими нарративами и общественным восприятием, однако они не исследуют систематически, каким образом внешнеполитическая повестка Китая в Центральной Азии соотносится с тематическими и дискурсивными изменениями в китайском освещении Казахстана.

Настоящее исследование отвечает на три взаимосвязанных вопроса:

(1) Как внешнеполитическая повестка Китая в Центральной Азии соотносится с тематической структурой публикаций о Казахстане в ведущих китайских СМИ;

(2) Каким образом ключевые политические концепты преобразуются в медийные фреймы и нарративные конструкции;

(3) Как изменение внешнеполитической повестки во времени сопряжено с трансформацией образа Казахстана.

Рабочий тезис исследования формулируется осторожно: политическая повестка задаёт институциональный и дискурсивный контекст медийного освещения, однако обнаруженная временная и содержательная сопряжённость рассматривается как свидетельство вероятного механизма влияния, а не как самостоятельное доказательство строгой причинности.

Теоретически статья опирается на конструктивистское понимание идентичности и представлений, концепцию мягкой силы, исследования установления повестки дня, фрейминга, стратегических нарративов, публичной дипломатии, национального образа и медиасистем [1–8]. Применительно к КНР особое значение имеют исследования, показывающие сочетание партийно-государственного регулирования, коммерциализации и ограниченной журналистской автономии в китайской медиасистеме [12–15], а также работы, рассматривающие публичную дипломатию как составную часть внешнеполитической и имиджевой стратегии Китая [16–17]. Предлагаемая далее «политическая встроенность» не претендует на замену этих подходов; она используется как интегративная аналитическая рамка, позволяющая соединить четыре уровня анализа: внешнеполитическую повестку, политический дискурс, медийную репрезентацию и динамику национального образа. Такое уточнение усиливает международно-политическую направленность исследования и отделяет его от сугубо журналистского анализа медиатекстов.

Описание материалов и методов

Текстовой корпус настоящего исследования совпадает с корпусом ранее опубликованной статьи «Имидж Республики Казахстан в китайских СМИ как фактор внешнеполитического взаимодействия КНР и РК» [18] и включает 653 публикации за 2013–2025 гг. из «Жэньминьжибао» (включая зарубежную версию), «Синьхуамэйжидяньсюнь» и «Хуаньцюшибао». Повторное использование корпуса обусловлено принципиально иным исследовательским вопросом. В работе [18] единицей теоретического интереса являлись характеристики конструируемого медиаобраза Казахстана и его возможное значение для двустороннего внешнеполитического взаимодействия. В настоящей статье аналитическое направление развёрнуто: исследуется, как эволюция внешней политики Китая в Центральной Азии соотносится с тематикой публикаций, использованием политического дискурса и диахронической трансформацией образа Казахстана. Новыми элементами являются сопоставление медийного корпуса с политическими документами, периодизация 2013–2016 / 2017–2021 / 2022–2025 гг., категории эксплицитной и имплицитной политической встроенности и анализ цепочки «политическая повестка → политический дискурс → медийная репрезентация → образ страны». Тем самым статья использует прежний массив данных для проверки нового исследовательского вопроса и новой аналитической рамки, а не для повторения ранее опубликованных выводов.

Как зафиксировано в ранее опубликованной работе [18], эмпирический корпус был сформирован в рамках предыдущего исследования автором и зафиксирован в объёме 653 публикаций за 2013–2025 гг. Источником медиаматериалов служит CNKI – «Полнотекстовая база данных важнейших китайских газет». Корпус формировался путём систематического поиска и отбора по тематическим сочетаниям «Казахстан», «Республика Казахстан», «Китай и Казахстан», «торговля Китая и Казахстана», «экономика Казахстана», «рынок Казахстана». Выборка охватывает различные жанры, включая новостные репортажи, комментарии, эксклюзивные интервью и др. В ранее опубликованном описании того же корпуса «Жэньминьжибао» и её зарубежная версия составляют 72% выборки, «Синьхуамэйжидяньсюнь» – 19%, «Хуаньцюшибао» – 9% [18]. Выбор этих изданий позволяет сопоставить материалы центральной партийной прессы, издания системы агентства «Синьхуа» и общенациональной газеты с выраженной международно-политической тематикой. Повторяющиеся публикации удалялись вручную. Критериями включения являются принадлежность материала к указанным изданиям и временному диапазону, а также содержательное отношение к Казахстану или китайско-казахстанскому взаимодействию; исключались явные дубликаты и тексты, в которых Казахстан упоминался лишь эпизодически без содержательной связи с исследовательским вопросом.

В качестве дополнительного корпуса политических источников используются официальные материалы, фиксирующие ключевые поворотные моменты китайской политики в Центральной Азии: выступление Си Цзиньпина в Назарбаев Университете в 2013 г.; Совместное заявление Республики Казахстан и Китайской Народной Республики о вечном всестороннем стратегическом партнёрстве 2019 г.; материалы видеосаммита, посвящённого 30-летию дипломатических отношений Китая со странами Центральной Азии, 2022 г.; и Сианьская декларация первого очного саммита «Китай – Центральная Азия» 2023 г. Эти документы используются как контекстуальный корпус для сопоставления официальной внешнеполитической повестки с изменениями медийной репрезентации Казахстана.

В ранее опубликованном описании корпуса зафиксировано следующее тематическое распределение: политика и дипломатия – 40%, экономическое сотрудничество – 35%, вопросы безопасности – 15%, категория «прочее» – 10% [18]. В настоящей статье тематические категории операционализированы следующим образом: к политико-дипломатической тематике относятся межгосударственные контакты, визиты, соглашения, стратегическое партнёрство и многосторонние механизмы; к экономической – торговля, инвестиции, энергетика, инфраструктура и сопряжение инициатив развития; к сфере безопасности – региональная стабильность, противодействие угрозам и соответствующее двустороннее и многостороннее сотрудничество. Категория «прочее» используется как остаточная для публикаций, не относящихся преимущественно ни к одному из трёх основных тематических блоков. Для критического дискурс-анализа в настоящей статье задаются следующие аналитические признаки: наименование и категоризация Казахстана; оценочные характеристики; доминирующие фреймы; цитирование и интертекстуальное воспроизводство официальных политических формул; способы связывания конкретных событий с более широкими внешнеполитическими нарративами; изменение этих конструкций во времени. Такой набор признаков соответствует пониманию критического дискурс-анализа как анализа взаимосвязи текста, дискурсивной практики и социально-политического контекста [19].

Единицей тематического учёта в настоящей статье является отдельная публикация из корпуса. В публикациях, содержащих несколько тематических линий, основная категория определяется по доминирующему предмету материала с учётом заголовка, вводной части и основного содержания текста; вторичные мотивы учитываются при качественном дискурс-анализе. Кодирование выполнялось одним исследователем, поэтому показатель межкодировочной надёжности не рассчитывался. Для ограничения субъективности использовалась единая операциональная схема категорий и одинаковые критерии отнесения публикаций ко всему корпусу.

Для операционализации динамики образа Казахстана используются различные текстовые индикаторы. Категория «соседнее государство» фиксируется при преобладании географических и добрососедских характеристик без выраженной функциональной роли; «стратегический партнёр» – при устойчивом воспроизведении формул стратегического партнёрства, политического доверия и координации; характеристики «ключевой узел / опорный пункт» – при акценте на транзитной, инфраструктурной, энергетической или регионально-координационной функции Казахстана; «важный региональный партнёр / пример сотрудничества» – при включении Казахстана в многостороннюю рамку «Китай – Центральная Азия» и описании его роли в совместном развитии и региональном взаимодействии. Эти категории используются как аналитические типы для сопоставления доминирующих способов репрезентации по периодам, а не как взаимоисключающие свойства каждой отдельной публикации.

Периодизация также имеет содержательные критерии. 2013–2016 гг. соответствуют начальному этапу институционализации инициативы «Один пояс, один путь» после её выдвижения в Казахстане; 2017–2021 гг. отражают углубление стратегического сопряжения и повышение китайско-казахстанских отношений в 2019 г. до уровня вечного всестороннего стратегического партнёрства; с 2022 г. начинается этап усиленной институционализации формата «Китай – Центральная Азия» и дискурса сообщества единой судьбы, получивший дальнейшее развитие на первом очном саммите «Китай – Центральная Азия» в 2023 г. Таким образом, границы периодов задаются не механическим делением корпуса, а поворотными моментами внешнеполитической повестки.

Таблица 1. Материалы, единицы анализа и процедура исследования

Параметр	Операционализация в настоящем исследовании
Эмпирический корпус	653 публикации китайских СМИ о Казахстане, ранее сформированные и зафиксированные в исследовании авторов [18].
Период исследования	2013–2025 гг.
Источник данных	CNKI — «Полнотекстовая база данных важнейших китайских газет».
Медиаисточники	«Жэньминьжибао» (включая зарубежную версию), «Синьхуаэйджиданьсюнь» и «Хуаньцюшибао».
Единица анализа	Отдельная публикация. При наличии нескольких тематических линий основная категория определяется по доминирующему предмету материала с учётом заголовка, вводной части и основного содержания.
Тематические категории	Политика и дипломатия; экономическое сотрудничество; безопасность; остаточная категория «прочее».
Методы	Качественный контент-анализ и критический дискурс-анализ.

Признаки дискурса-анализа	Наименование и категоризация Казахстана; оценочные характеристики; доминирующие фреймы; цитирование и интертекстуальное воспроизводство официальных политических формул; связь конкретных событий с внешнеполитическими нарративами; изменение этих конструкций во времени.
Кодирование	Кодирование выполнялось одним исследователем по единой операциональной схеме.
Периодизация	2013–2016, 2017–2021 и 2022–2025 гг.; границы периодов определяются поворотными моментами внешнеполитической повестки КНР в Центральной Азии.

Примечание: доли публикаций по изданиям в зафиксированном корпусе представлены отдельно на рис. 1

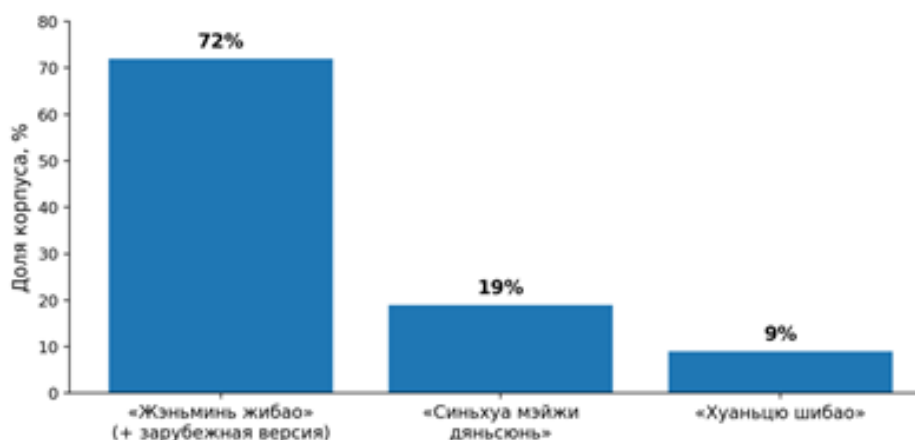

Рисунок 1. Распределение окончательного корпуса из 653 публикаций по изданиям.(по данным [18])

Результаты

Во-первых, анализ выявляет выраженную сопряжённость внешнеполитической повестки и тематической структуры медийных публикаций.

На основе систематического анализа политических документов Китая в отношении Центральной Азии можно выделить ключевую повестку китайской дипломатии в этом регионе, которая сосредоточена в следующих областях: сотрудничество в сфере безопасности, энергетическое сотрудничество, взаимосвязанность, политическое взаимодействие. Ли Цзяньминь систематически анализировал политическую эволюцию экономического сотрудничества Китая со странами Центральной Азии за последние 30 лет и отметил, что дипломатия Китая в Центральной Азии прошла путь от начала до углубления, а экономическое сотрудничество всегда было «фундаментальной опорой» [20].

Сопоставление внешнеполитической повестки с тематической структурой 653 публикаций показывает значительное совпадение

приоритетов. На политико-дипломатическую тематику приходится 40% корпуса, на экономическое сотрудничество – 35%, на безопасность – 15%, на категорию «прочее» – 10%. Такая структура не доказывает причинную зависимость, однако демонстрирует выраженное соответствие основным направлениям китайской повестки в Центральной Азии. После выдвижения инициативы «Один пояс, один путь» в 2013 г. экономическая тематика приобретает более заметное место в материалах о Казахстане; после повышения статуса отношений в 2019 г. чаще актуализируется формула стратегического партнёрства. Эти наблюдения интерпретируются как признаки сопряжённости политической и медийной повесток, требующие осторожности при выводах о причинности.

Рисунок 2. Тематическая структура публикаций о Казахстане в корпусе 2013–2025 гг. (по данным [18])

Во-вторых, политический дискурс выступает в качестве нарративного ресурса для медийных публикаций.

Дискурс-анализ показывает, что политические формулы выступают для медиа важным источником фреймов и нарративных опор. Концепт «сообщество единой судьбы» в публикациях переносится из официального политического дискурса в интерпретацию китайско-казахстанских отношений через мотив общности интересов и совместного развития. После повышения отношений в 2019 г. до уровня «вечного всестороннего стратегического партнёрства» эта формула становится одним из устойчивых нарративных ориентиров политико-дипломатического освещения. Сопряжение инициативы «Один пояс, один путь» с казахстанской программой «Нұрлыжол», первоначально сформулированное на уровне межгосударственной политики, в медийных материалах превращается

в рамку для объяснения инфраструктурного и экономического сотрудничества. Тем самым официальные концепты не только цитируются, но и контекстуализируются применительно к конкретным событиям и проектам.

Медийные публикации при этом не сводятся к буквальному пересказу политических формул. В них происходит дискурсивная трансформация: абстрактные внешнеполитические понятия связываются с конкретными событиями, персонами, проектами и оценочными характеристиками Казахстана. Именно этот переход от официальной формулы к медийному фрейму рассматривается в статье как одно из проявлений имплицитной политической встроенности. Исследование Цзи Фанфан и Сунь Пин показывает, что углубление внешней коммуникации инициативы «Один пояс, один путь» требует не механического воспроизведения официальной повестки, а адаптации нарративов к международной аудитории и медиасреде [21].

В-третьих, анализ выявляет временную сопряжённость эволюции внешней политики и трансформации медийного образа Казахстана.

Сравнение публикаций по трём периодам показывает, что изменения в репрезентации Казахстана по времени совпадают с основными этапами трансформации китайской политики в Центральной Азии. Такая синхронность не трактуется как достаточное доказательство прямой причинности, но позволяет проследить устойчивую связь между изменением политической рамки и смещением медийных акцентов.

Первый этап (2013–2016 гг.) – начальный период реализации инициативы «Один пояс, один путь». После выступления председателя КНР Си Цзиньпина в Назарбаев Университете в сентябре 2013 г., где была выдвинута инициатива совместного строительства Экономического пояса Шёлкового пути, Казахстан в китайских публикациях всё чаще репрезентируется не только как соседнее государство, но и как место запуска ключевой региональной инициативы и один из её ранних участников. В тематике усиливается внимание к инфраструктуре, экономическому сотрудничеству и взаимосвязанности; в характеристиках образа появляется мотив «пионера совместного строительства Пояса и пути». Международно-политическое значение центральноазиатского направления для первоначального формирования сухопутного компонента инициативы «Один пояс, один путь» также отмечается М. Кларком [22].

Второй этап (2017–2021 гг.) – период углубления стратегического партнёрства. Политическая повестка всё больше акцентирует стратегическое сопряжение и качественное совместное строительство; в 2019 г. отношения Китая и Казахстана повышаются до уровня «вечного всестороннего стратегического партнёрства». В медийной репрезентации усиливаются характеристики Казахстана как надёжного стратегического партнёра,

ключевого узла евразийской транспортной взаимосвязанности, фактора региональной стабильности и сторонника многостороннего сотрудничества.

Третий этап (2022–2025 гг.) – этап усиления формата «Китай – Центральная Азия» и дискурса сообщества единой судьбы. Виртуальный саммит 2022 г., посвящённый 30-летию дипломатических отношений Китая со странами Центральной Азии, и первый очный саммит «Китай – Центральная Азия» 2023 г. обозначили новый уровень региональной институционализации. В публикациях Казахстан всё чаще помещается в многостороннюю региональную рамку и характеризуется как важный участник регионального сотрудничества, партнёр по совместному развитию и один из показательных примеров взаимодействия Китая со странами Центральной Азии.

Таким образом, диахронический анализ показывает не статичное, а изменяющееся конструирование образа Казахстана. Корректнее говорить о динамической сопряжённости: политическая повестка задаёт набор приоритетных тем и легитимных политических формул, а медиа перерабатывают их в конкретные нарративы и оценочные характеристики. Это наблюдение служит эмпирической основой для предлагаемой ниже аналитической рамки, но само по себе не снимает проблему доказательства причинности.

Таблица 2. Сопоставление этапов внешнеполитической повестки и трансформации образа Казахстана

Период	Ключевой политический контекст	Доминирующий медийный акцент	Сдвиг в доминирующей репрезентации Казахстана
2013–2016	Запуск инициативы «Один пояс, один путь»	Инфраструктура, взаимосвязанность, экономическое сотрудничество	Сосед → место выдвижения инициативы/ ранний участник
2017–2021	Углубление стратегического сопряжения; новый статус отношений в 2019 г.	Стратегическое партнёрство, транспортный узел, региональная стабильность	Надёжный стратегический партнёр / ключевой узел
2022–2025	Институционализация формата «Китай – Центральная Азия»; сообщество единой судьбы	Многостороннее региональное сотрудничество и совместное развитие	Важный региональный партнёр/пример сотрудничества

Обсуждение

На основе полученных результатов «политическая встроенность» определяется как степень и способы включённости внешнеполитической

повестки и политического дискурса в тематический выбор, фреймирование и динамику медийной репрезентации другой страны. Предлагаемая рамка описывает не одностороннюю детерминацию СМИ политикой, а аналитическую последовательность: внешнеполитическая повестка → политический дискурс → способы представления темы в СМИ → формирование и изменение образа страны. Встроенность рассматривается на двух уровнях – эксплицитном и имплицитном.

Схема 1. Внешнеполитическая повестка → политический дискурс → медийная репрезентация → формирование и изменение образа страны

Схема объединяет четыре уровня анализа и показывает, что «политическая встроенность» используется как интегративная рамка сопряжения внешнеполитической повестки, политического дискурса, медийной репрезентации и динамики образа государства, а не как утверждение о жёсткой односторонней детерминации СМИ политикой.

Эксплицитная встроенность проявляется там, где связь между политической и медийной повестками наблюдаема непосредственно: в выборе тем, прямом цитировании официальных формулировок, ссылках на межгосударственные документы и воспроизведении институционально закреплённых характеристик отношений. В данном корпусе к таким проявлениям относятся увеличение внимания к экономическому сотрудничеству после запуска инициативы «Один пояс, один путь», а также регулярное использование формул «сообщество единой судьбы» и «вечное всестороннее стратегическое партнёрство». Эти признаки свидетельствуют о содержательной сопряжённости, но не предполагают, что все медийные сообщения механически задаются политическими институтами.

Имплицитная встроенность относится к более опосредованному уровню: политическая рамка задаёт набор смысловых ресурсов, которые журналистский текст перерабатывает посредством фрейминга, оценивания, метафоризации, отбора примеров и связывания отдельных событий с более широким нарративом. СМИ в таком случае выступают не только передатчиками, но и интерпретаторами политического дискурса. Например, абстрактная идея «сообщества единой судьбы» может переводиться в образные конструкции, подчёркивающие историческую близость, общие интересы или совместное развитие. Именно эта трансформация отличает имплицитную встроенность от простого цитирования официальной позиции.

Предлагаемая рамка пересекается с существующими теориями, но имеет более узкую интегративную задачу. Конструктивизм позволяет рассматривать образ государства как социально формируемую систему представлений [1], а концепция мягкой силы подчёркивает значение привлекательности и коммуникационных ресурсов во внешнеполитическом влиянии [2]. Теория установления повестки дня объясняет распределение внимания и значимость тем [3]; фрейминг – способы отбора и акцентирования аспектов реальности [4]; теория стратегических нарративов – производство и проецирование политическими акторами интерпретационных историй о международном порядке, идентичности и политике [5]; исследования публичной дипломатии рассматривают институциональные каналы внешней коммуникации [6], а работы по национальному брендингу – способы формирования устойчивых представлений о стране [7]. Сравнительный анализ медиасистем подчёркивает зависимость политической коммуникации от институциональной структуры СМИ [8], тогда как исследования китайской медиасистемы конкретизируют сочетание политического контроля, рыночных стимулов и журналистской агентности [12–15]; исследования публичной дипломатии КНР дополняют эту картину анализом внешнеполитических целей и механизмов проекции национального образа [16–17]. «Политическая встроенность» объединяет эти наблюдения применительно к конкретному исследовательскому вопросу – каким образом внешнеполитическая рамка обнаруживается одновременно в тематике, дискурсе и диахронической трансформации образа другой страны. Поэтому она предлагается не как универсальная замена существующих теорий, а как операциональная рамка их сопряжения в исследованиях внешнеполитической коммуникации.

Вопрос причинности требует отдельной оговорки. Выявленная корреляция между политической повесткой и медийным образом не доказывает автоматически причинно-следственную связь. Временная последовательность ключевых событий – запуск инициативы «Один пояс, один путь» в 2013 г., изменение статуса двусторонних отношений в 2019 г., усиление формата «Китай – Центральная Азия» с 2022–2023 гг. – предшествует или совпадает с соответствующими сдвигами в медийных нарративах. Это делает направление влияния от политики к медийной репрезентации теоретически правдоподобным, но не является достаточным условием строгого причинного вывода.

Институциональный контекст китайской медиасистемы также позволяет ожидать значимой связи между государственной повесткой и освещением международных вопросов, однако отношения государства и СМИ в КНР нельзя сводить к модели полностью пассивной трансляции. Исследования показывают сочетание политического контроля, институциональных ограничений, коммерческих стимулов и ограниченной

журналистской автономии [12–15]. Работы по китайской публичной дипломатии, в свою очередь, показывают, что внешняя коммуникация тесно связана с задачами международного позиционирования, репутации и легитимации внешнеполитических целей [16–17]. Поэтому в данной статье институциональная логика используется как дополнительный аргумент в пользу вероятного механизма влияния, а не как самостоятельное доказательство причинности.

Характер данных поддерживает ту же осторожную интерпретацию: политические документы фиксируют официально сформулированные приоритеты и концепты, тогда как медийные тексты преимущественно цитируют, переосмысливают и конкретизируют их. Такая асимметрия источников позволяет говорить о вероятном направлении дискурсивного влияния, но для строгой причинной проверки потребовались бы дополнительные методы – например, формализованный временной анализ, сравнение с контрольными темами или источниками и статистическая проверка динамики.

Таким образом, «политическая встроенность» описывает не «политическую зависимость» в жёстком детерминистском смысле, а структурированную сопряжённость политической рамки и медийного производства смыслов. Политика задаёт институциональный и дискурсивный контекст, а СМИ селективно воспроизводят, интерпретируют и преобразуют доступные политические концепты. Отношения между политикой и медиа корректнее представлять как взаимодействие направления и дискурсивной трансформации, степень которого должна устанавливаться эмпирически в каждом конкретном случае.

Теоретический вклад исследования поэтому состоит в операционализации четырёхзвенной связи «повестка – дискурс – медийная репрезентация – национальный образ» и в различении эксплицитного и имплицитного уровней встроенности. Эта рамка дополняет, а не дублирует, теорию установления повестки дня и теорию фрейминга: первая из названных традиций в основном фокусируется на значимости тем, вторая – на способах их представления, тогда как предлагаемая модель помещает оба механизма в контекст эволюции внешней политики и прослеживает их связь с изменением образа государства во времени. В этом состоит специфический вклад настоящей статьи по сравнению как с существующими теориями, так и с предыдущей публикацией авторов [18].

Практическая значимость результатов связана с анализом внешнеполитической коммуникации Китая в Центральной Азии. Полученные данные позволяют предположить, что согласованность официальной повестки и медийных нарративов облегчает воспроизводство устойчивых характеристик партнёрской страны, однако эффективность

такой коммуникации зависит и от журналистской интерпретации, аудитории и конкретного политического контекста. Поэтому практический вывод заключается не в необходимости жёсткого управления медиа, а в понимании того, как абстрактные политические концепты переводятся в доступные общественности нарративы и какие ограничения имеет этот процесс.

Заключение

Исследование было направлено на анализ того, как эволюция внешней политики Китая в Центральной Азии соотносится с формированием и трансформацией образа Казахстана в ведущих китайских СМИ. На материале 653 публикаций за 2013–2025 гг. и политических документов выделены три взаимосвязанных уровня: тематическая сопряжённость повесток, использование политического дискурса как нарративного ресурса и диахроническая синхронность изменений внешнеполитической рамки и медийного образа.

Во-первых, тематическая структура корпуса демонстрирует выраженное соответствие основным направлениям внешнеполитической повестки: политика и дипломатия составляют 40%, экономика – 35%, безопасность – 15%, категория «прочее» – 10%. Эти пропорции свидетельствуют о сопряжённости приоритетов, однако без дополнительной статистической проверки не позволяют использовать формулировку «строго соответствует».

Во-вторых, политический дискурс служит важным нарративным ресурсом. Формулы «сообщество единой судьбы», «вечное всестороннее стратегическое партнёрство» и сопряжение инициативы «Один пояс, один путь» с национальными программами регулярно цитируются и преобразуются в медийные рамки, связывающие политические концепты с конкретными проектами, событиями и характеристиками Казахстана.

В-третьих, периодизация 2013–2016, 2017–2021 и 2022–2025 гг. показывает динамическую сопряжённость между изменениями политического контекста и репрезентацией Казахстана: от соседнего государства и места выдвижения инициативы «Один пояс, один путь» – к надёжному стратегическому партнёру и ключевому узлу взаимосвязанности, а затем к важному участнику многостороннего формата «Китай – Центральная Азия» и совместного регионального развития.

На этой основе предлагается аналитическая рамка «политической встроенности», понимаемая как включённость внешнеполитической повестки и дискурса в выбор тем, фреймирование и динамику медийного образа. Рамка различает эксплицитную встроенность (прямая тематическая и цитатная связь) и имплицитную встроенность

(интерпретация и дискурсивная трансформация политических концептов). Она интегрирует элементы теории установления повестки дня, теории фрейминга, стратегических нарративов и исследований государственно-медийных отношений, но не заменяет эти теории.

Академическая новизна настоящей статьи по отношению к работе [18] состоит не в повторном описании того же корпуса, а в ином направлении объяснения и новой аналитической операционализации: предыдущая публикация исследовала характеристики медийного образа Казахстана и его значение для двустороннего взаимодействия, тогда как здесь анализируется сопряжённость внешнеполитической повестки с тематикой, дискурсом и временной трансформацией образа. Ограничением исследования остаётся невозможность на основании качественного сопоставления установить строгую причинность. Перспективой дальнейшей проверки являются годовая количественная динамика тематик и политических терминов, формализованная межкодирующая надёжность и сравнительный анализ других китайских и центральноазиатских медиа.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Wendt A. *Social Theory of International Politics*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
- [2] Nye J. S. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. – New York: PublicAffairs, 2004.
- [3] McCombs M. E., Shaw D. L. The Agenda-Setting Function of Mass Media // *Public Opinion Quarterly*. – 1972. – Vol. 36, No. 2. – P. 176–187.
- [4] Entman R. M. Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm // *Journal of Communication*. – 1993. – Vol. 43, No. 4. – P. 51–58.
- [5] Miskimmon A., O’Loughlin B., Roselle L. *Strategic Narratives: Communication Power and the New World Order*. – New York: Routledge, 2013.
- [6] Cull N. J. Public Diplomacy: Taxonomies and Histories // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. – 2008. – Vol. 616, No. 1. – P. 31–54.
- [7] Anholt S. *Competitive Identity: The New Brand Management for Nations, Cities and Regions*. – London: Palgrave Macmillan, 2007.
- [8] Hallin D. C., Mancini P. *Comparing Media Systems: Three Models of Media and Politics*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
- [9] Slamgazhy A., Liu R., Zhappassov Z., Tassilova A. Kazakhstan’s Media Coverage of China: How the Belt and Road Initiative Strengthens Geopolitical Ties // *Journal of Eastern European and Central Asian Research*. – 2024. – Vol. 11, No. 2. – P. 362–376.
- [10] Land S., Neafie J., Courtney M. The role of identity and strategic narratives on public perceptions of China: the case of the New Silk Road in

Kazakhstan // *Area Development and Policy*. – 2024. – Vol. 9, No. 4. – P. 568–590.

[11] Peyrouse S. Discussing China: Sinophilia and sinophobia in Central Asia // *Journal of Eurasian Studies*. – 2016. – Vol. 7, No. 1. – P. 14–23.

[12] Stockmann D. *Media Commercialization and Authoritarian Rule in China*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2012.

[13] Repnikova M. *Media Politics in China: Improvising Power under Authoritarianism*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2017.

[14] Shambaugh D. China's Propaganda System: Institutions, Processes and Efficacy // *The China Journal*. – 2007. – No. 57. – P. 25–58.

[15] Brady A.-M. *Marketing Dictatorship: Propaganda and Thought Work in Contemporary China*. – Lanham: Rowman & Littlefield, 2008.

[16] Zhao K. The Motivation Behind China's Public Diplomacy // *The Chinese Journal of International Politics*. – 2015. – Vol. 8, No. 2. – P. 167–196.

[17] d'Hooghe I. *China's Public Diplomacy*. – Leiden; Boston: Brill Nijhoff, 2015.

[18] Дин Ц., Мұқан С. Имидж Республики Казахстан в китайских СМИ как фактор внешнеполитического взаимодействия КНР и РК // *Известия КазУМОиМЯ имени Абылай хана. Серия «Международные отношения и регионоведение»*. – 2026. – № 1. – С. 243–262.

[19] Fairclough N. *Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language*. – London; New York: Longman, 1995.

[20] Ли Ц. 30 лет экономического сотрудничества между Китаем и Центральной Азией: эволюция политики, прогресс в ключевых областях и пути будущего развития // *«Исследования России»*. – 2022. – № 5. – С. 74–94.

[21] Цзи Ф., Сунь П. Об углублении внешней коммуникации инициативы «Один пояс, один путь» // *Исследования мирового социализма*. – 2020. – Т. 5, № 4. – С. 27–33, 94.

[22] Clarke M. The Belt and Road Initiative: China's New Grand Strategy? // *Asia Policy*. – 2017. – Vol. 24, No. 1. – P. 71–79.

REFERENCES

[1] Wendt A. *Social Theory of International Politics*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

[2] Nye J. S. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. – New York: PublicAffairs, 2004.

[3] McCombs M. E., Shaw D. L. The Agenda-Setting Function of Mass Media // *Public Opinion Quarterly*. – 1972. – Vol. 36, No. 2. – P. 176–187.

[4] Entman R. M. Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm // *Journal of Communication*. – 1993. – Vol. 43, No. 4. – P. 51–58.

[5] Miskimmon A., O'Loughlin B., Roselle L. *Strategic Narratives: Communication Power and the New World Order*. – New York: Routledge, 2013.

[6] Cull N. J. Public Diplomacy: Taxonomies and Histories // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. – 2008. – Vol. 616, No. 1. – P. 31–54.

[7] Anholt S. *Competitive Identity: The New Brand Management for Nations, Cities and Regions*. – London: Palgrave Macmillan, 2007.

[8] Hallin D. C., Mancini P. *Comparing Media Systems: Three Models of Media and Politics*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

[9] Slamgazy A., Liu R., Zhappassov Z., Tassilova A. Kazakhstan's Media Coverage of China: How the Belt and Road Initiative Strengthens Geopolitical Ties // *Journal of Eastern European and Central Asian Research*. – 2024. – Vol. 11, No. 2. – P. 362–376.

[10] Land S., Neafie J., Courtney M. The role of identity and strategic narratives on public perceptions of China: the case of the New Silk Road in Kazakhstan // *Area Development and Policy*. – 2024. – Vol. 9, No. 4. – P. 568–590.

[11] Peyrouse S. Discussing China: Sinophilia and sinophobia in Central Asia // *Journal of Eurasian Studies*. – 2016. – Vol. 7, No. 1. – P. 14–23.

[12] Stockmann D. *Media Commercialization and Authoritarian Rule in China*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2012.

[13] Repnikova M. *Media Politics in China: Improvising Power under Authoritarianism*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2017.

[14] Shambaugh D. China's Propaganda System: Institutions, Processes and Efficacy // *The China Journal*. – 2007. – No. 57. – P. 25–58.

[15] Brady A.-M. *Marketing Dictatorship: Propaganda and Thought Work in Contemporary China*. – Lanham: Rowman & Littlefield, 2008.

[16] Zhao K. The Motivation Behind China's Public Diplomacy // *The Chinese Journal of International Politics*. – 2015. – Vol. 8, No. 2. – P. 167–196.

[17] d'Hooghe I. *China's Public Diplomacy*. – Leiden; Boston: Brill Nijhoff, 2015.

[18] Ding Q., Mukan S. Imidzh Respubliki Kazakhstan v kitajskih SMI kak faktor vneshne politicheskogo vzaimodejstviya KNR i RK [The Image of the Republic of Kazakhstan in Chinese Media as a Factor of Foreign Policy Interaction between the PRC and the RK] // *Izvestija*

[19] KazUMOiMJ a imeni Abylajhana. Serija «Mezhdunarodnye otnoshenija i regionovedenie». – 2026. – No. 1. – P. 243–262. [inRuss.]

[20] Li J. Zhongguo yu Zhongya jingji hezuo 30 nian: zhengce yanjin, zhongdian lingyu jinzhanchi weilai fazhan lujing [30 years of economic cooperation between China and Central Asia: policy evolution, progress in key areas and future development paths] // *Eluosi Yanjiu [Russian Studies]*. – 2022. – No. 5. – P. 74–94. [in Chinese]

[21] Ji F., Sun P. Lun shenhua “Yidai yilu” changyi de duiwai chuanbo [On Deepening the External Communication of the Belt and Road Initiative] // *Shijie Shehuizhuyi Yanjiu [World Socialism Studies]*. – 2020. – Vol. 5, No. 4. – P. 27–33, 94. [in Chinese]

[22] [30 years of economic cooperation between China and Central Asia: policy evolution, progress in key areas and future development paths] // EluosiYanjiu [Russian Studies]. – 2022. – No. 5. – P. 74–94. [inChinese]

[23] Ji F., Sun P. Lunshenhua “Yidaiyilu” changyi de duiwaichuanbo [On Deepening the External Communication of the Belt and Road Initiative] // Shijie Shehuizhuyi Yanjiu [World Socialism Studies]. – 2020. – Vol. 5, No. 4. – P. 27–33, 94. [in Chinese]

[24] Clarke M. The Belt and Road Initiative: China’s New Grand Strategy? // Asia Policy. – 2017. – Vol. 24, No. 1. – P. 71–79.

ҚХР-ДЫҢ ОРТАЛЫҚ АЗИЯДАҒЫ СЫРТҚЫ САЯСАТЫ АЯСЫНДАҒЫ ҚЫТАЙ БАҚ-ТАРЫНДАҒЫ ҚАЗАҚСТАННЫҢ БЕЙНЕСІ

*Дин Циньпин¹, Мұқан С.М.,² Абжапарова Л.Ж.³

*¹ әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті

Алматы, Қазақстан

²Халықаралық ақпараттық технологиялар университеті

Алматы, Қазақстан

³Нархоз университеті, Алматы, Қазақстан

Аңдатпа. Зерттеудің мақсаты – Қытайдың Орталық Азиядағы сыртқы саясатының эволюциясы мен жетекші қытайлық БАҚ-тағы Қазақстан бейнесінің өзгеруі арасындағы байланысты анықтау. Эмпирикалық база 2013–2025 жылдары «Жэньминьжибао» (шетелдік нұсқасын қоса алғанда), «Синьхуамэйжидяньсюнь» және «Хуаньцюшибао» газеттерінде жарияланған Қазақстан туралы 653 материалдан, сондай-ақ Қытайдың Орталық Азияға қатысты саяси құжаттарынан тұрады. Сапалық контент-талдау мен сыни дискурс-талдау әдістері үйлестірілді. Нәтижелер саяси және медиа күн тәртібінің айқын сабақтастығын көрсетеді: жарияланымдардың тақырыптық құрылымы сыртқы саясаттың басымдықтарымен елеулі түрде сәйкес келеді, саяси ұғымдар нарративтік ресурс ретінде пайдаланылады, ал сыртқы саяси күн тәртібіндегі өзгерістер Қазақстан бейнесінің трансформациясы мен уақыт жағынан ұштасады. Осы негізде «сыртқы саяси күн тәртібі → саяси дискурс → медиалық репрезентация → ел бейнесінің өзгеруі» тізбегін сипаттайтын «саяси кіріктірілгендік» аналитикалық шеңбері ұсынылады. Бұрын сол корпус негізінде жарияланған зерттеуден айырмашылығы, бұл мақала Қазақстан бейнесінің сипаттамаларын емес, сыртқы саяси контекстің медиа тақырыптарына, дискурсқа және бейненің уақыт ішіндегі өзгеруіне қалай қатысты екенін талдайды. Алынған нәтижелер ықтимал саяси-медиалық ықпал тетігін көрсетеді, бірақ қатаң себеп-салдарлық байланысты автоматты түрде дәлелдемейді.

Тірек сөздер: Қазақстан; Қытай БАҚ-тары; ұлттықбейне; Қытайдың Орталық Азиядағы сыртқы саясаты; саяси дискурс; бейнені қалыптастыру механизмі

THE IMAGE OF KAZAKHSTAN IN CHINESE MEDIA IN THE CONTEXT OF CHINA'S FOREIGN POLICY IN CENTRAL ASIA

*Ding Qiping¹, Mukan S.², Abzhaparova L.³

^{*1}Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

²International Information Technology University, Almaty, Kazakhstan

³Narxoz University, Almaty, Kazakhstan

Abstract. This study examines the relationship between the evolution of China's foreign policy in Central Asia and the transformation of Kazakhstan's image in leading Chinese media. The empirical corpus comprises 653 publications about Kazakhstan published in People's Daily (including its overseas edition), Xinhua Daily Telegraph, and Global Times between 2013 and 2025, together with Chinese policy documents concerning Central Asia. The study combines qualitative content analysis with critical discourse analysis. The findings reveal a pronounced alignment between political and media agendas: the thematic structure of coverage corresponds substantially to major foreign-policy priorities, official political concepts function as narrative resources, and shifts in the foreign-policy agenda temporally coincide with changes in representations of Kazakhstan. On this basis, the article proposes an integrative framework of "political embeddedness," expressed as the sequence "foreign-policy agenda → political discourse → media representation → formation and transformation of country image." Unlike the authors' previous study based on the same corpus, which focused on the characteristics of Kazakhstan's media image and its relevance to bilateral interaction, the present article reverses the analytical direction and examines how the foreign-policy framework is associated with media themes, discourse, and diachronic image change. The results support a plausible mechanism of political-media alignment but do not by themselves establish strict causality.

Keywords: Kazakhstan; Chinese media; national image; China's foreign policy in Central Asia; political discourse; image formation mechanism

Информация об авторах:

Дин Циньпин – докторант кафедры международных отношений и мировой экономики Казахского национального университета имени аль-Фараби, г. Алматы, Казахстан, <https://orcid.org/0009-0001-9362-7472>, электронная почта: din_tsinpin@live.kaznu.kz; 815693234@qq.com

Мұқан Сәкен Мұқанұлы – доктор философии (Ph.D) по международным отношениям, профессор кафедры медиа коммуникации и гуманитарных наук Международного университета информационных технологий, г. Алматы, Казахстан, <https://orcid.org/0000-0003-0652-2806>, электронная почта: s.mukan@iitu.edu.kz

Абжапарова Лаура Жексембаевна - доктор философии (Ph.D) по международным отношениям, ассоциированный профессор Школы права и государственного управления университета Нархоз, г. Алматы, Казахстан, <https://orcid.org/0009-0004-3045-3649>, электронная почта: zheksembaevnalaura@gmail.com

Авторлар туралы мәлімет:

Дин Циньпин – Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің халықаралық қатынастар және әлемдік экономика кафедрасының докторанты, Алматы, Қазақстан, <https://orcid.org/0009-0001-9362-7472>, электрондық пошта: din_tsinpin@live.kaznu.kz; 815693234@qq.com

Мұқан Сәкен Мұқанұлы – халықаралық қатынастар бойынша философия докторы (Ph.D), Халықаралық ақпараттық технологиялар университетінің медиакоммуникация және гуманитарлық ғылымдар кафедрасының профессоры, Алматы қаласы, Қазақстан, <https://orcid.org/0000-0003-0652-2806>, электрондық пошта: s.mukan@iitu.edu.kz

Абжапарова Лаура Жексембайқызы - халықаралық қатынастар бойынша философия докторы (Ph.D), Нархоз университетінің Құқық және мемлекеттік басқару мектебінің қауымдастырылған профессоры, Алматы қаласы, Қазақстан, <https://orcid.org/0009-0004-3045-3649>, электрондық пошта: zheksembaevnalaura@gmail.com

Information about the authors:

Ding Jinping – PhD candidate in International Relations Department of International Relations and World Economy, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan, <https://orcid.org/0009-0001-9362-7472>, e-mail: din_tsinpin@live.kaznu.kz; 815693234@qq.com

Saken Mukan – PhD in International Relations, Professor, Department of Media Communications and Humanities, International Information Technology University, Almaty, Kazakhstan, <https://orcid.org/0000-0003-0652-2806>, e-mail: s.mukan@iitu.edu.kz

Laura Abzhaparova - PhD in International Relations, Associate Professor, School of Law and Public Administration, Narxoz University, Almaty, Kazakhstan, <https://orcid.org/0009-0004-3045-3649>, e-mail: zheksembaevnalaura@gmail.com

Статья поступила / Мақала түсті / Received: 14.04.2026.

Принята к публикации / Жариялауға қабылданды / Accepted: 28.09.2026.